ЭТНОС И КУЛЬТУРА

© 1996 г., ЭО, № 1

Ю. И. Семенов

ПЕРЕЖИТКИ ПЕРВОБИТНЫХ ФОРМ ОТНОШЕНИЙ ПОЛОВ В ОБЫЧАЯХ РУССКИХ КРЕСТЬЯН XIX—НАЧАЛА XX в.

Культура первобытная и культура простонародная

Несомненным является, что этнография всегда исследовала, во-первых, сохранившиеся до наших времен первобытные или доклассовые общества, во-вторых, традиционную духовную и материальную культуру низов классовых обществ, прежде всего крестьянства. С этим и связано известное определение этнографии как науки о живой старине. Эта наука с самого своего возникновения довольно отчетливо подразделялась на две дисциплины, одна из которых исследовала первобытные общества, а другая — мир традиционного крестьянства. Иные ее разделы возникли позднее, в основном уже в XX в.

Такая специализация была вполне понятной и оправданной. Но она таила в себе и определенные опасности. Дело в том, что объединение в рамках одной науки исследования первобытности и исследования крестьянского мира было далеко не случайным. Оно имело под собой прочную объективную основу.

На протяжении почти всей истории первобытного общества существовала одна единая культура всего общества в целом. На последнем этапе его существования, когда стали зарождаться классовые отношения, началось и раздвоение ранее единой культуры на две: культуру верхов общества и культуру его низов. Элитарная культура есть новообразование, хотя, конечно, и связанное с ранее единой культурой первобытности. Что же касается культуры низов, культуры простонародной, прежде всего крестьянской, то она возникла в результате трансформации единой первобытной культуры и обладает многими чертами, роднящими ее с последней. В частности, простонародная культура, как и первобытная, является бесписьменной и анонимной. Именно внутреннее родство первобытной и простонародной, прежде всего крестьянской, культур было одним из оснований того, что они стали объектом исследования пусть разных разделов, но тем не менее одной науки.

Так как простонародная, прежде всего крестьянская культура, возникла на основе и в результате трансформации единой культуры первобытности, то в ней сохранилось много того, что возникло в первобытную эпоху и может быть объяснено только при условии знания статики и динамики первобытного общества. Полноценное исследование крестьянской культуры с необходимостью предполагает знание этнографии первобытности. Но в силу отмеченной выше специализации такое знание у многих исследователей крестьянской культуры отсутствует, что, конечно, не способствует продвижению в этой области.

В этой статье я остановлюсь на целом ряде обычаев русских крестьян, существовавших в XIX и даже начале XX в., которые, на мой взгляд, представляют собой пережитки древнейших форм отношений полов. Но прежде чем перейти к рассмотрению этих обычаев, необходимо остановиться на эволюции отношений между полами, начавшейся на заре человеческой истории и продолжающейся до сих пор.

Основные этапы эволюции социального регулирования отношений между полами

Начальный этап этой эволюции был детально рассмотрен в таких моих работах, как «Возникновение человеческого общества» (Красноярск, 1962), «Как возникло человечество» (М., 1966), «На заре человеческой истории» (М., 1989), а вся она в целом в книге «Происхождение брака и семьи» (М., 1974). Здесь я ограничусь кратким изложением созданной и защищаемой мною схемы возникновения и развития социального регулирования отношений между полами.

С моей точки зрения вся история человечества прежде всего подразделяется на два основных периода: эпоху становления человеческого общества или эпоху праобщества и эпоху развития готового, сформировавшегося человеческого общества. Становление человека и общества началось, примерно, 1,6 млн лет назад и завершилось совсем недавно, всего лишь 35—40 тысяч лет назад.

Переход от стада животных предшественников человека — *предлюдей* (хабилисов) к праобщине первых, еще только формирующихся людей — *архантропов* (питекантропов, синантропов и других сходных форм) был ознаменован началом становления коммуналистических отношений распределения, а тем самым и коммуналистической собственности. Каждый член праобщины получил возможность свободного доступа прежде всего к самому ценному виду пищи — мясу. Это с необходимостью предполагало возникновение запрета кому бы то ни было из членов праобщины отгонять остальных его членов от добычи. Утверждение общей собственности на мясо требовало и предполагало ликвидацию системы доминирования в сфере его распределения, что вело к подрыву всей этой системы в целом. А это не могло не сказаться на отношениях между полами.

В стаде предлюдей отношения между полами в какой-то степени регулировались системой доминирования. Доминирующие самцы имели преимущественный доступ к самкам. Подчиненные в большинстве случаев даже и не пытались конкурировать с ними. Поэтому каких-либо серьезных столкновений внутри стада на этой почве не возникало. Положение изменилось с переходом к праобществу. Исчез старый способ обеспечения мира и порядка в объединении. Но если в области распределения пищи постепенно возник и утвердился новый, а именно возникло коммуналистическое распределение, то в сфере отношения полов этого не произошло. Старый биологический способ обеспечения порядка исчез, а новый — социальный — не возник. Отношения между полами оказались неупорядоченными, промискуитетными. В результате они стали источником постоянных конфликтов внутри праобщины.

Эти конфликты, даже когда они не вели к открытым столкновениям, расстраивали хозяйственную жизнь праобщины, особенно сказываясь на таких ее формах, которые для своего успеха требовали сплоченности всех ее членов. Важнейшей из них была охота. Поэтому развитие пошло по линии появления и утверждения запрета половых отношений в период, предшествующий охоте и самой охоте, т. е. возникновения половых охотничьих табу. В результате жизнь праобщины все в большей степени стала представлять собой чередование периодов, когда половые отношения были строжайше воспрещены, и периодов, когда они были возможны. Произошло своеобразное раздвоение праобщины во времени на объединение, в котором господствовал промискуитет, и объединение, в котором существовала строжайшая *акойтия*, т. е. запрет половых отношений.

Одновременно произошло ее раздвоение и в пространстве. Внутри нее обособились две группы. Одну из них составляли взрослые мужчины, юноши и мальчики, начиная с определенного возраста. Другую — взрослые женщины, девушки, девочки и маленькие мальчики. Эти две группы обособились в бытовом отношении. Они, в частности, раздельно питались, а в последующем и начали жить раздельно, на известном расстоянии друг от друга. Возникли мужские и женские хижинки или группы хижин.

По мере расширения периодов акойтии, т. е. действия половых табу, все более короткими становились промискуитетные периоды, т. е. такие, в течение которых половые отношения были разрешены. В результате отношения полов в эти последние периоды приобрели столь бурный характер, что сделали невозможным занятие в это время какой-либо хозяйственной деятельностью. Как следствие эти периоды превратились в оргиастические праздники. Таким образом жизнь праобщины стала складываться из чередования периодов буден, которые одновременно были временем действия половых табу, и периодов промискуитетных оргиастических праздников, свободных от труда.

Будучи кратковременными, оргиастические праздники не обеспечивали полного удовлетворения полового инстинкта. Сдавливаемый половыми табу, половой инстинкт стремился прорваться. Прорыв его внутри праобщины был невозможным. Коллектив строго карал нарушителей табу. Все это толкало к поискам половых партнеров в других праобщинах. Первые половые контакты между членами разных общин носили грубый, дикий характер. Члены одной праобщины нападали на членов других: мужчины на женщин, женщины на мужчин. Такого рода нападения можно было бы назвать оргиастическими. Они носили не одинаковый характер у женщин и мужчин. Женщины одной праобщины всегда совместно нападали на одиноких мужчин. Что же касается представителей противоположного пола, то, конечно, имели место и нападения как отдельных мужчин, так и их групп на одиноких женщин. Но, вероятно, наиболее распространенными были нападения групп мужчин на места обособленного проживания групп женщин.

Оргиастические нападения, носившие в своей исходной форме грубый, жестокий характер, не могли на первых порах не обострить отношения между первобытными коллективами. Но так как в существовании полового общения между членами разных праобщин были в равной степени заинтересованы все стороны, то оно постепенно во все большей степени начало осуществляться с обоюдного, вначале молчаливого, а затем все более открытого согласия коллективов, стало все в большей степени санкционироваться ими. На смену оргиастическим нападениям пришли своеобразные экспедиции мужчин и женщин одной праобщины в место обитания мужчин и женщин другой праобщины или встречи тех и других в специально условленных местах.

Ход развития вел к превращению половых отношений между членами разных коллективов из случайности в правило. Это сделало возможным полный запрет половых отношений внутри каждого из коллективов. Частичная, временная акойтия, вызвав к жизни экзокойтию, т. е. обыкновение вступать в половую связь с членами иных групп, чем своя собственная, превратилась в полную, абсолютную. Каждая праобщина трансформировалась в полностью акойтную, а тем самым и *экзокойтную* (*экзогамную*) группу, т. е. в род. Роды в отличие от праобщин не могли существовать в одиночку. Повсеместно возникли системы, состоящие из двух родов, между членами которых только и были возможны половые отношения. Такие системы принято называть *дуально-родовыми организациями*.

С появлением дуально-родовой организации половые связи перестали быть неупорядоченными, промискуитетными. На смену ограниченному во времени промискуитету пришел брак, но не между индивидами, а между их группами. Первой формой брачных отношений был *групповой, дуально-родовой брак*. Реальный групповой брак не был суммой браков между индивидами, как его нередко понимают. На первых порах своего развития он не только не предполагал, а наоборот, исключал браки между индивидами.

Несомненный факт, что половые и брачные отношения далеко не одно и то же. Половые отношения могут существовать без брака и вне брака. Брачные отношения, включая в себя половые, никогда к ним не сводятся. Брак есть определенная социальная организация отношений между полами. Он предполагает существование определенных, признанных обществом прав и обязанностей между связанными им сторонами.

Такие права и обязанности по отношению друг к другу существовали у родов, составлявших дуальную организацию. Каждый из них, строжайше запрещая половые отношения между своими членами, предписывал им вступать в половые отношения с членами другого рода. Этим социальное регулирование половых отношений на первых порах и ограничивалось.

Для каждого конкретного человека обязанность вступать в половые отношения с членами другого рода являлась лишь указанием на круг лиц, внутри которого он мог искать половых партнеров, и только. Кто же из данного круга лиц реально становился его половым партнером и на какое время — это определялось лишь доброй волей вступающих в связь. Вступление в половые отношения лиц, принадлежавших к разным родам, не давало им никаких прав друг на друга и не накладывало никаких обязанностей по отношению друг к другу. Индивиды, сами по себе взятые, не состояли в браке. Браком была лишь связь между двумя группами, двумя родами.

Вполне понятно, что каждый род представлял собой совершенно самостоятельную в экономическом отношении общину. Дуально-родовой брак был *дислокальным*. В этих условиях человек всю жизнь принадлежал к коллективу, в котором родился, т. е. к тому, к которому принадлежала его мать. Поэтому первоначальный род был материнским.

Связи между членами двух родов, составлявших дуальную организацию, совершенно не обязательно должны были носить эпизодический характер. Кратковременными они были в самом начале половой жизни каждого нового поколения. В дальнейшем на почве взаимных симпатий могли образоваться и образовывались довольно постоянные, а иногда и достаточно прочные пары. Такого рода явление можно было бы назвать *парованием*. Парование основывалось на взаимном влечении и могло быть в любой момент прекращено по желанию одной из сторон. Даже самое прочное парование не было браком, ибо не давало паровникам никаких прав друг на друга и не влекло за собой никаких обязанностей по отношению друг к другу.

Следующий шаг в развитии был связан с возникновением первой формы индивидуального брака, которую в нашей литературе было принято называть парным браком. Я предпочитаю именовать этот брак *первобытноэгалитарным* или *протоэгалитарным*. Не останавливаясь на истории его становления, отмечу лишь, что генезис индивидуального брака связан с переходом от разборно-коммуналистических отношений к долежно-коммуналистическим, выделением иждивенческих ячеек и появлением дарообмена¹. Только с возникновением индивидуального брака можно говорить не только об *экзокойтии*, т. е. о требовании вступать в половые отношения только с членами другого рода, но и об *экзогамии* в точном смысле этого слова, т. е. о норме, предписывающей вступать в брак только вне своего рода.

Вместе с протоэгалитарным браком возникла семья. Вначале этот брак был дислокальным, затем супруги начали селиться вместе, что совершенно не обязательно предполагало обитание их в одном жилище. Очень часто муж продолжал жить в мужском доме, где обитала вся мужская группа общины, включая юношей и старших мальчиков. В результате совместного (в одном стойбище или сельбище) поселения супругов община перестала совпадать с родом. С этих пор в общину стали входить люди разных родов, а члены одного рода — входить в состав разных общин.

Вместе с протоэгалитарным браком мы из области гипотез, предположений, теоретических реконструкций входим в этнографическую реальность. У многих народов первобытного мира отношения полов, характерные для эпохи безраздельного господства группового брака, продолжали существовать, но уже как отношения не всех вообще половозрелых членов общества, а лишь тех из них, которые еще не вступили в брак (имеется в виду индивидуальный брак), т. е. молодежи.

Именно эти отношения имеются в виду, когда этнографы говорят о существу-

ющей в огромном множестве доклассовых обществ свободе отношений полов до брака. Эта свобода никогда не была абсолютной, ибо во всех этих обществах строжайше воспрещались половые отношения между сородичами. Но в остальном молодые люди могли поступать, как им заблагорассудится. Связи юношей и девушек могли носить кратковременный и эпизодический характер. Но самое широкое распространение имело парование.

Со свободой отношений полов до брака были тесно связаны дома холостяков, которые возникли из общих мужских домов в результате перехода женатых мужчин в семейные жилища, и дома девушек. Девушки приходили ночевать к своим избранникам в дома холостяков, юноши — к своим избранницам в дома девушек. Если община была родовой, юноши навещали дома девушек соседних общин, если селение состояло из нескольких родовых кварталов, — дома девушек соседних кварталов. Аналогичным образом поступали и девушки. Хотя такой порядок и возник из предшествующего состояния, вряд ли его можно охарактеризовать просто как пережиток древних времен. Это было нормальное для данного общества состояние.

С началом перехода от первобытного общества к классовому или, как предпочитают его теперь называть, цивилизованному протозгалитарный брак начал сменяться новой формой индивидуального брака, которую, следуя за Л. Морганом, в нашей литературе обычно называли моногамным браком. Название не самое удачное, ибо эта форма брака отнюдь не исключала полигинию. Я предпочитаю называть этот брак *патриархическим*. Базой господства мужчины в обществе и семье была его собственность на основные средства производства. В переходный период от первобытности к цивилизации встречались и такие общества, в которых основными средствами производства распоряжались женщины². Однако подлинный матриархический брак так нигде и не возник. Повсюду в классовых докапиталистических обществах существовали патриархический брак и патриархическая семья. К числу редких исключений относятся наяры Кералы, у которых вообще никакой семьи не существовало. Основной иждивенческой и хозяйственной ячейкой была у них *родья* — группа, состоявшая из братьев, сестер, детей сестер и детей дочерей сестер.

Возникновение патриархического брака требовало и предполагало полное упразднение свободы добрачных и внебрачных, т. е. всех вообще небрачных отношений полов. Для классовых докапиталистических обществ нормой являлись половые отношения исключительно между супругами. Отношения вне брака обществом в принципе не допускались и осуждались. Особенно жесткие требования предъявляло общество к женщинам. От девушки требовали соблюдения целомудрия до вступления в брак, от замужней женщины — верности мужу. К мужчинам общество было более снисходительным. И это понятно: в нем господствовали мужчины.

Развитие капитализма рано или поздно с неизбежностью привело к переходу от патриархического брака и патриархической семьи к новой форме индивидуального брака и соответственно новой форме семьи. Я называю эти новые формы *неоэгалитарным браком* и *неоэгалитарной семьей*. Наряду с неоэгалитарным браком возникло и получило довольно широкое распространение парование. И не исключено, что в дальнейшем развитии человечества оно полностью заместит индивидуальный брак.

Пережитки первобытных форм отношений между полами в крестьянском мире России

Половые охотничьи и вообще хозяйственные табу. Половые охотничьи табу и возникшие на их основе половые запреты, связанные с самыми различными формами человеческой деятельности, в первобытном мире имеют универсальное распространение. Везде, где они бытовали, существовало

глубокое убеждение, что воздержание от половых отношений является необходимым условием успеха охоты или иной другой деятельности, что нарушение запрета любым членом коллектива неизбежно навлечет несчастье не только на него самого, но и на все общество.

В цивилизованных обществах половые хозяйственные табу встречаются гораздо реже. Существование их отмечено у древних римлян, немцев Трансильвании, в некоторых областях Венгрии. Явные пережитки охотничьих половых табу были зафиксированы у эстонцев. Как сами половые табу, так и их пережитки существовали у русских охотников. Следы половых производственных табу были обнаружены у крестьян одного из селений Саратовской области. У них, если во время выполняемых сообща, артельно, работ случалось какое-либо неприятное происшествие, отрицательно сказывавшееся на результатах коллективной деятельности, было обыкновение полусушутя, полусерьезно объяснять его тем, что кто-то из работающих прошедшей ночью согрешил с женой³.

Промискуитетные оргиастические праздники. В первобытном мире они имели универсальное распространение. У значительного числа народов оргиастическим праздникам предшествовали периоды действия строжайших половых табу, связанных с тем или иным видом хозяйственной деятельности⁴.

Примером оргиастического праздника могут послужить торжества, еще в прошлом веке бытовавшие в одном из районов о. Вити-Леву (о-ва Фиджи). Мужчины и женщины одевались в фантастические одежды, обращались друг с другом с самыми непристойными фразами и открыто, публично без всякого разбора вступали в половые отношения. В это время половые акты были не только возможны, но чуть ли не обязательны между братьями и сестрами, которые в обычное время не имели права даже разговаривать друг с другом. Такое состояние ничем не ограниченной свободы общения полов длилось несколько дней, после чего все ограничения восстанавливались и жизнь входила в нормальную колею⁵. Таким образом на время этого праздника снималось действие агамного или экзогамного табу, на котором базировался род. Последний на краткий промежуток времени превращался в объединение, в котором господствовал промискуитет.

Существование праздников, отличавшихся большой свободой общения полов, отмечено у многих народов Европы в период от античности вплоть до нового времени⁶.

В списке «Повести временных лет», содержащемся в одной из древнейших из числа дошедших до наших дней летописей, известной под названием «Летописца Переяславля Суздальского», сообщается о существовании у радимичей, вятичей и северян праздников, для которых была характерна полная свобода общения полов⁷. Такого рода праздники описываются и осуждаются в «Правилах» митрополита Киевского и Всея Руси Кирилла III (1243—1280 гг.)⁸.

Красочное описание этих праздников мы находим в «Послании Елизарова монастыря игумена Памфила Псковскому наместнику и властям о прекращении народных игрищ в день Рождества св. Иоанна Предтечи» (1505 г.): «Егда бо приходит великий праздник день Рождества Предтечева,— читаем мы в нем,— и тогда, во святую ту ночь, мало не весь город взмается и възбесится, бубны и сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием, плясанием..., стучат бубны и глас сопелий и гудут струны, женам же и девам плескание и плясание и глазам их наживание, устам их неприязнен клич и вопль, всескверненные песни, бесовские угодия свершахуся, и хребтом их вихляние, и ногам их скакание и топтание; ту же есть мужем же и отроком великое прелщение и падение, но яко на женское и девическое шатание блудное възрение, тако же и женам мужатым беззаконное осквернение, так же и девам растление...»⁹.

Как говорится в «Стоглаве» (1551 г.), на Иванов день и в навечерии Рождества Христова и в навечерии Богоявления Господня и крещения «сходятся народи мужи, и жены, и девицы на ночное плещевание, и на бесчисленный (ниже —

бесчинный — Ю. С.) говор, на бесовские песни и на плясание, и на Богомерзские дела, и бывает отроком осквернение и девам растление»¹⁰.

Конкретизировать картину позволяет описание путешествия итальянца — то-сканца Лактанция Рокколини в Россию, помещенное в сборнике, который был составлен Челио Малеспини в 1580 г. и увидел свет в 1609 г. в Венеции. Так как Л. Рокколини был придворным Карла V и выполнял его дипломатические поручения, то его поездка в Россию имела место около середины XVI в.

Путешествуя в январе по Московии, Л. Рокколини и его спутники сбились с пути и, в конце концов, ночью наткнулись на какое-то селение. Встретившие их люди дружелюбно отнеслись к путникам и привели их в большой дом, в котором собралось множество мужчин и женщин. Эти люди ели, пели и плясали в помещении, которое освещалось одной лучиной. Один из присутствующих объяснил чужеземцу, что «таков древний обычай края: в известное время собираются вместе соседские мужчины и женщины и, поплясав и позабавившись вместе порядком, тушат лучину, после чего каждый берет ту женщину, которая случилась к нему ближе, и совершает с ней половой акт; затем лучина снова зажигается, и снова начинаются пляски, пока не рассветет и все отправятся по домам. В этот вечер лучину уже тушили два раза, и два раза совершен акт с теми, на кого случай наткнул в темноте»¹¹. Вряд ли можно сомневаться в правдивости рассказа, ибо описанный обычай был известен под названием «гаски» в русской деревне и в XIX в. Но в это время он чаще всего имел место не на общих сборищах, а на вечеринках, в которых участвовала лишь молодежь.

Имеются аналогичные материалы и по XVII в. Вот что писал в 1651 г. старец Григорий в своей челобитной царю Алексею Михайловичу, обличая нравы, царившие в г. Вязьме и окрестностях: «Такоже и игрища разные и мерзкие бывают вначале от Рождества Христова и до Богоявления всенощные, на коих святых нарицают и монастыри делают, и, архимарита, и келаря, и старцев нарицают, там же и женок и девок много ходит, и тамо девицы девство диаволу отдают. Другое игрище о Троицном дни: за город на курганы ходят и неподобя творят»¹².

Как уже отмечалось в крестьянской среде подобного рода явления сохранялись и в XIX в. «На беседах по зимам, не боясь ни чьего сглазу, мужики обнимают баб и огни гасят...», — рассказывал С. В. Максимова священник с. Койнос Мезенского уезда Архангельской губернии о. Евграф¹³. Вот еще приводимое Т. А. Бернштам свидетельство, относящееся к самому концу XIX в. Место действия — верховье Ветлуги в Вятской губернии. «Во время братчины в Хорошевской волости совокупляются в близких степенях родства: сноха с деверем, свекром, близкие родственники. Бывали также случаи и с родными — братья с сестрами (все женатые) и грехом не считали»¹⁴.

Нетрудно заметить поразительное сходство между этой вятской братчиной и оргиастическим праздником на о-ве Вити-Леву. И в том и в другом случае полностью снимались все существующие в обычное время ограничения в отношениях между полами: на Вити-Леву — нормы индивидуального брака и акойт-ный (агамный, экзогамный) запрет, в Хорошевской волости — индивидуально-брачное регулирование и запрет инцеста.

Оргиастические нападения. Б. Малиновским был описан очень своеобразный обычай, существовавший у меланезийцев о-вов Тробриан. Он назывался *йауса*. На юге о-ва Киригина и на о-ве Вакута женщины, занимавшиеся коллективной прополкой полей, имели право напасть на любого замеченного ими мужчину, если только он не принадлежал к числу жителей их деревни. Передать подробности этого нападения не представляется возможным. Заметив мужчину, женщины срывали с себя всю одежду, нагими набрасывались на него, подвергали насилию и совершали над ним массу самых непристойных действий¹⁵.

К тому времени, когда существование этого обычая было зафиксировано Б. Малиновским, он носил уже во многом ритуальный характер. Но восстановить его первоначальное значение вполне возможно. Для этого сейчас можно привлечь материал, о котором раньше нельзя было в печати сказать ни слова. С тех пор,

как в системе советского ГУЛАГа, мужчины и женщины были изолированы друг от друга, в женских зонах время от времени происходили нападения групп женщин на зазевавшихся надзирателей и охранников. И судя по описаниям очевидцев, эти нападения чуть ли не до деталей совпадали с йаусой. Нетрудно понять, что они представляли собой необычайно бурное, неудержимое, принимавшее самые дикие формы проявление полового инстинкта, который долгое время в силу существующих в зоне условий не мог получить удовлетворения.

Поражающее сходство йаусы с этими нападениями объясняется тем, что она была своеобразной имитацией имевших место в далеком прошлом подобного же бурных прорывов долгое время не получавшего удовлетворения полового инстинкта. Но в отличие от случая с ГУЛАГом, этот инстинкт не мог быть удовлетворен вследствие того, что в объединении людей существовали половые производственные табу. Такое предположение находит подтверждение в фактическом материале. Оргиастические нападения тробрианских женщин возможны были лишь в период общественной прополки огородов и ни в какой другой. А он был временем действия строжайших половых табу. В эти дни не только были воспрещены половые отношения между мужьями и женами и вообще между членами данной общины, но считалось даже неприличным для мужчин приближаться к женщинам своей общины¹⁶.

Все эти данные, вместе взятые, говорят о том, что тробрианская йауса в своей исходной форме была не чем иным, как стихийным, бурным прорывом долгое время сдерживаемого половыми производственными табу полового инстинкта. Этот прорыв стал возможным в силу того, что в поле зрения женщин оказался мужчина, не принадлежавший к их коллективу и поэтому не подпадавший под действия существовавших в нем всех вообще норм поведения, включая и запреты. Поэтому общение с ним не было нарушением табу и не могло караться коллективом.

Тробрианская йауса является самым ярким, но далеко не единственным пережитком первоначальных оргиастических нападений женщин. Последние, кстати сказать, получили свое отражение в фольклоре многих народов, в частности в легендах об амазонках, которые, вместе взятые, рисуют достаточно полную картину развития отношений между полами, начиная от кратковременных контактов между совершенно чужими друг другу мужчинами и женщинами и кончая возникновением дуальной организации¹⁷. Но в данной статье мы ограничимся рассмотрением только обычаев, являющихся более или менее отдаленными пережитками оргиастических нападений женщин.

У некоторых племен Северного Ирана, когда женщины сообща работали в поле, ни один мужчина-чужак не мог пройти мимо них, не уплатив выкуп. Иначе он рисковал подвергнуться такому обращению, которое было характерно для тробрианской йаусы¹⁸. В Южном Дагестане в селениях Ашти, Ицари, Сутбук, Дзилебки, Урцахи и Уркарах до сравнительно недавнего времени существовал обычай пленения постороннего мужчины женщинами, работающими в поле. Пленного отпускали после уплаты им выкупа¹⁹. В 60-х годах XIX в. в Южном же Дагестане был зафиксирован другой вариант того же обычая. Приводим сообщение П. Петухова: «В магалах Тау горного Кайтага мужчина, по несчастью встретившийся с толпой женщин и девушек, делается их жертвой: его обезоруживают, принуждают танцевать, прыгать и исполнять все их прихоти; достаточно натешившись, они отпускают свою жертву при громком хохоте и остротах. Это случается особенно в тех случаях, когда женщины выходят из аула для сбора моха и особой травы на брачные подушки и тьюфяки новобрачным»²⁰.

Следы этого обычая встречаются и в Западной и Центральной Европе. В Компании, Ломбардии, Абруцци и Сицилии любой посторонний человек, проходивший мимо жнивья, становился объектом насмешек и оскорблений со стороны работавших в поле²¹. В Чехии жницы связывали по рукам и ногам каждого мужчину, который приходил первым на поле или просто проходил мимо. За свое освобождение он должен был дать выкуп²².

У баронга Африки женщины, готовясь во время засухи совершить обряд вызывания дождя, сбрасывали с себя все обычные одежды и надевали пояса, сделанные из особого растения. Затем они образовывали длинную процессию, которая двигалась по полям, исполняя самые бесстыдные песни и непристойные танцы. Ни один мужчина не мог попасть на глаза женщинам без того, чтобы не подвергнуться самому жестокому обращению с их стороны²³. Сходные обычаи существовали у народов Трансвааля, Малави, а также у греков, румын, сербов, болгар, грузин²⁴.

Разнообразные обряды вызывания дождя, совершаемые нагими женщинами, были зафиксированы в Индии. Подобного же рода церемонии совершались ими и для отвращения от города или деревни эпидемии или эпизоотии. Ярким примером является совершаемый ночью и в строжайшем секрете от мужчин обряд опахивания деревни²⁵.

Точно такой же обычай существовал у русских крестьян вплоть до первых десятилетий XX в. Бытование его было зафиксировано этнографами в Воронежской, Орловской, Курской, Тульской, Калужской, Рязанской, Смоленской, Московской, Тамбовской, Пензенской, Самарской, Нижегородской, Саратовской, Казанской, Санкт-Петербургской, Псковской, Тверской, Ярославской, Костромской, Вятской губерниях. Существовало опахивание также в Белоруссии и на Украине²⁶.

Опахивание совершалось, когда на деревню надвигалась эпидемия или эпизоотия, причем оно в своей классической форме происходило глубокой ночью и в тайне от мужчин. Женщины и девушки, принимавшие участие в обряде, обязательно распускали волосы, что в русской деревне всегда считалось признаком разнузданности, и либо оставались в одних нижних рубахах, либо раздевались донага. Затем процессия двигалась вокруг деревни. Ни одно живое существо, прежде всего ни один мужчина не мог в это время попасться на глаза без риска быть избитым разъяренными женщинами. А в некоторых случаях обычай требовал от участниц убить постороннего. «Полудикая толпа баб, с визгом и писком бросается на встретившегося и разрывает его в клочки, если последнему не удастся убежать»²⁷.

В подавляющем большинстве случаев в опахивании могли участвовать лишь девушки, причем такие, в невинности которых не существовало сомнений, и вдовы, причем только добродетельного поведения, а также старухи. Иначе говоря, только такие особы женского пола, которые либо совсем не вступали в половые отношения, либо не поддерживали их в течение предшествующего обряду периода времени, причем длительного. И это тоже роднит опахивание с оргиастическими нападениями женщин. В некоторых случаях опахивание не было связано с угрозой эпидемии или эпизоотии. Оно регулярно осуществлялось в определенные периоды времени.

Кроме такого рода обычаев, почти по всему миру отмечено существование отличавшихся неприличием слов и действий особых женских праздников, на которые мужчины не допускались, а также подобного же рода женских процессий и обрядов во время общих праздников²⁸. Особенно ярко черты былых оргиастических нападений проявлялись в греческих вакханалиях, которые первоначально являлись исключительно женскими праздниками. Во время этих праздников женщины набрасывались на плющ, который считался мужским растением, с ожесточением разрывали на части и жевали²⁹. Свидетельством происхождения вакханалий из оргиастических нападений женщин является легенда о растерзании Пенфея вакханками-менадами, которая легла в основу трагедии Еврипида «Вакханки»³⁰.

Трудно при этом не заметить поразительного сходства того, что описано в древнегреческой легенде, с тем, что происходило в некоторых случаях при опахивании в русской деревне. Кстати и во время бытовавшего вплоть до начала XX в. у мордвы женского праздника всякий мужчина, который имел несчастье

попасть навстречу двигавшейся по деревне с пением грубо эротических песен толпе пьяных женщин, становился объектом самых безобразных издевательств³¹.

Свидетельств о существовании в прошлом оргиастических нападений мужчин меньше, даже в первобытном мире. Они сохранились в преданиях и обрядах австралийцев. У племен Центральной Австралии (арунта, кайтиш, илпирра, иллиаура, лоритья и др.) и Квинсленда существовал обычай изнасилования девушки, достигшей брачного возраста, группой мужчин, принадлежавших к иному роду, чем она. Это всегда происходило вдали от стойбища. Девушку ловили и затаскивали в чащу. После этого она считалась взрослой³².

У кикую Африки юноши для того, чтобы перейти в разряд взрослых мужчин, должны были совершить церемониальное изнасилование женщины, обязательно принадлежавшей не просто к другой деревне, но, по возможности, к другому народу. С этой целью юноши, объединенные в группы, бродили в поисках подходящего объекта по местностям, далеким от их родного селения. После исполнения этого акта юноши демонстративно отбрасывали эмблемы, свидетельствовавшие о их принадлежности к разряду неопитов³³.

Пережитками оргиастических нападений как мужчин, так и женщин являются различные формы ритуальной борьбы и состязаний между полами. Они имели широкое распространение по всему первобытному миру³⁴. У меланезийцев о-вов Тробриан, меитхеев и нага Ассамы ритуальные схватки между мужчинами и женщинами завершались всеобщим половым общением³⁵.

Л ю б о в н ы е э к с п е д и ц и и. Свобода отношений полов до брака не была в первобытном обществе, в котором уже возник индивидуальный брак, пережиточным явлением. Она была нормой жизни. Точно также не были в нем пережиточными явлениями дома холостяков и дома девушек. Но вот специальные экспедиции девушек в другие деревни, имеющие целью вступить в общение с живущими там юношами, так же как и аналогичные экспедиции юношей представляли собой пережитки походов представителей обоих полов, которые имели место в период становления дуальной организации и в первое время после этого. А такого рода экспедиции зафиксированы у значительного числа народов: у тех же тробрианцев, у бушменов, у многих папуасов Новой Гвинеи (чимбу, дене, сиане, камано, форе, узуруфа, джате). У бена-бена Восточного нагорья Новой Гвинеи любовные экспедиции одновременно и юношей и девушек одной общины в другую общину происходили обычно раз в месяц³⁶.

О т н о ш е н и я м е ж д у п о л а м и д о б р а к а в р у с с к о й д е р е в н е. Разные авторы придерживаются по этому вопросу далеко не одинаковой точки зрения. Одни из них, в частности М. М. Громько, довольно категорически настаивают на том, что молодые люди, особенно девушки, как правило, строго соблюдали принятые в крестьянском мире России нормы, требовавшие воздержания от половых отношений до брака³⁷. Другие, например, Т. А. Бернштам, придерживаются иного взгляда³⁸.

Обращаясь к этой проблеме, прежде всего хотелось бы указать на необходимость строго различать существующие в том или ином обществе нормы поведения и реальное поведение людей. Между ними всегда существует определенное расхождение. Существование в русской деревне добрачных связей — факт, который вряд ли кем-либо может быть поставлен под сомнение. Уже то обстоятельство, что посрамление в ходе свадьбы молодой, не сохранившей девственность, а заодно так же и ее матери, допустившей утрату дочерью целомудрия, носило во многих случаях обрядовый характер, свидетельствует о нередкости этого явления в жизни русской деревни.

Но нас должна интересовать прежде всего позиция общества, которая находила свое выражение в общественном мнении. Говоря об общественном мнении, мы в свою очередь должны учитывать возможность его раздвоения на формальное, провозглашавшее строжайшую необходимость соблюдения тех или иных норм, и реальное, которое всерьез этого не требовало и весьма либерально относилось к нарушителям. К сожалению, многие исследователи такую возмож-

ность просто не учитывают. Поэтому, когда они сообщают о тех или иных нормах поведения, трудно установить, были ли эти нормы формальными или реальными.

Русские крестьянские общины существовали в рамках классового общества. Поэтому русская крестьянская семья в принципе должна была бы быть патриархической. А это с необходимостью предполагало исключение из жизни общества добрачных и вообще любых небрачных отношений. Но этот запрет формировался в борьбе со старым положением вещей, когда свобода отношений полов до брака была нормой. Борьба эта шла с переменным успехом и результаты ее в разных общинах были далеко не одинаковы.

В одних обществах этот запрет был вполне реальным, в других — во многом формальным, в третьих — он так и не смог утвердиться. Отсюда крайняя противоречивость данных. Кроме того нужно учитывать, что даже в тех общинах, в которых утвердился реальный запрет добрачных отношений, он мог в определенные периоды времени и определенных условиях ослабляться или даже совсем сниматься. Такое явление имело место во время «хороводов» («улиц») и «вечерок» (вечеринок, беседок, посиделок и т. п.). Все это еще больше усложняет картину.

Вряд ли, по моему мнению, можно сомневаться в том, что в определенной части русских крестьянских общин запрет добрачных отношений так и не утвердился. По существу в них продолжала существовать свобода общения полов до брака. Свидетельств об этом существует столь много, что не заметить их может только тот, кто вообще не хочет их замечать.

В Мезенском уезде Архангельской губернии невинность девушки совершенно не ценилась. Более того, девица, родившая ребенка, имела больше шансов выйти замуж, чем сохранившая целомудрие³⁹. Не требовалась «чистота нравов» от девушек и в других местах этой же губернии. Это нашло отражение в пословице: «девушка не травка, вырастет не без славки»⁴⁰.

В фундаментальном труде, посвященном этнографии Вологодской губернии, утверждается, что «в большей части деревень девичьему целомудрию не придается строгого значения. Есть местности, где девка, имевшая ребенка, скорее выйдет замуж, чем целомудренная, так как она, знают, не будет неплодна»⁴¹. Как сообщали местные информаторы, «редкая из наших девок не гуляет до замужества». Что же касается парней, то они начинают «баловаться» едва минет 15 лет и к моменту вступления в брак каждый из них «знает не одну девку»⁴².

Полная свобода связей между парнями и девушками существовала в ряде деревень Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Общество в эти отношения никак не вмешивалось⁴³. В Суражском уезде Черниговской губернии, в котором наряду с белорусами жили и русские, добрачные связи имели широкое распространение. Потеря целомудрия не ставилась девушке в вину и не препятствовала замужеству⁴⁴. По сообщению врача Тюшевского участка Рязанского уезда одноименной губернии в деревнях не было девушек старше 17—18 лет, которые сохранили бы невинность. И никто их за это не осуждал. Даже, наоборот, существовало презрительное отношение к недотрогам⁴⁵. Совершенно свободными были отношения молодежи и не только молодежи в далеком таежном селении Яркино (Енисейская губерния). Утрата целомудрия не считалась здесь грехом. Девочки переставали быть девственницами уже после двенадцати лет⁴⁶.

Х о р о в о д ы (у л и ц ы). Во время «хороводов», т. е. гуляний молодежи под открытым небом, точнее после окончания каждого конкретного хоровода, в ряде русских деревень допускалась большая свобода отношений полов. «Интересен лишь тот факт,— сообщается о крестьянах Сарапульского уезда Вятской губернии,— что после окончания хороводов, водимых девушками окрестных деревень, они вступают в половое общение с парнями, причем парни каждой деревни строго оберегают своих девушек»⁴⁷.

В Данковском уезде Рязанской губернии вечером, после окончания хоровода девушки с парнями попарно уходили в «конопля», в «кусты», за ригу, в «соломку»⁴⁸.

В е ч е р и н к и (в е ч е р к и, б е с е д к и, п о с и д е л к и и т. п.) Но, пожалуй, наибольший интерес в рассматриваемом плане представляют деревенские

вечеринки, которые в русской деревне в определенное время года бытовали почти повсеместно. Везде посиделки были собраниями женской молодежи, на которые, как правило, в дальнейшем являлись парни. Иногда вечерки происходили попеременно в домах семейств, в которых были девушки. Однако чаще всего группа девиц проводила эти сборища, которые обычно затягивались до глубокой ночи, а иногда и до утра, в домах одиноких женщин: вдов, бобылок, солдаток.

И это сразу заставляет вспомнить дома девушек первобытных народов. Как уже отмечалось, они имели самое широкое распространение. Но у некоторых народов девушки, хотя и жили обособленно, но не в специально построенных для них домах, а в жилищах одиноких пожилых женщин, чаще всего вдов. Это, несомненно, более позднее явление. У игоротов Сагады, например, девушки, которые еще в XIX в. обитали в особых домах, в XX в. жили уже в хижинах одиноких женщин⁴⁹.

В Ветлужском крае девушки снимали порожнюю избу и на время от начала зимы до Великого поста практически поселялись в ней отдельно от родных, уходя домой лишь поесть и поспать. А бывало, что они оставались в ней и ночевать⁵⁰. В селе Козинка Скопинского уезда Рязанской губернии девушки в течение нескольких месяцев каждый день с 4—5 часов дня до 4 утра проводили в выбранном ими доме⁵¹. И в том и в другом случаях в эти дома вечером приходили парни.

Но в русской деревне существовали пережитки не только домов девушек. В ней достаточно четко было выражено столь характерное для первобытности бытовое и прочее обособление полов. Изба делилась на мужскую и женскую половины, в дворовой части имелись мужские и женские помещения. В пределах деревни мужчины и женщины собирались для проведения досуга в особых местах. Бывало, что мужчины арендовали для проведения сборищ особую избу на окраине деревни — явный аналог мужского дома первобытной эпохи. Существовали особые мужские и женские праздники⁵².

Но вернемся к посиделкам. Когда на вечерку являлись парни, атмосфера приобретала явно эротический характер. Парни садились на колени к девушкам, обнимали их, целовали. С обеих сторон сыпались нескромные остроты и шутки. Очень часто парни и девушки разбивались на пары или их так разбивали специально выделенные лица. В некоторых деревнях парни и девушки ложились спать до утра, причем чаще всего опять-таки попарно.

М. М. Громыко, пытаясь доказать, что ничего такого не было, ссылается на А. В. Балова, который писал по этому поводу о Пошехонском уезде Ярославской губернии: «Обычая, чтобы молодые парни ходили на ночь к девушкам, или чтобы молодые люди обоего пола ночевали вместе, здесь нигде не существует. Такие поступки в глазах крестьян являются делом зазорным — „распутством“»⁵³. Возможно, в отношении каких-то деревень этого уезда информатор совершенно прав. Но в примечании к этой же странице работы М. М. Громыко приводится сообщение местного крестьянина, свидетельствующее, что в том же Пошехонском уезде парни и девушки оставались ночевать попарно в банях⁵⁴.

Совместно ночевали парни и девушки во время посиделок, например, в Краснослободском уезде Пензенской губернии, Хвалынском уезде Саратовской губернии, Болховском уезде Орловской губернии⁵⁵. В двух последних случаях информаторы утверждают, что хотя парни и девушки спали вместе, но до близости дело не доходило или это случалось редко⁵⁶. И весьма вероятно, что так оно и было. Но это неизбежно приводит к целому ряду выводов.

Выше были приведены сведения о существовании в некоторых местностях если не полной, то очень значительной свободы отношений полов до брака. При этом некоторые (но отнюдь не все) информаторы тут же подчеркивали, что эта свобода была поздним явлением, связанным с разлагающим влиянием города. Раньше же нравы были строгими. Но совершенно ясно, что обычай спать на вечеринке попарно явно не был нововведением. Если принять во внимание, что у первобытных народов дома девушек были тем местом, куда приходили юноши для полового общения с их обитательницами, то нетрудно понять, что так обстояло

дело в прошлом и у наших предков. Об этом свидетельствует вся обстановка, существовавшая на посиделках.

В дальнейшем многое сохранилось, включая и обыкновение проводить ночь вместе, но в результате становления патриархического брака во многих местах возник запрет вступать в связь. И уж никак не может быть отнесен к нововведениям, связанным с влиянием города, обычай, состоящий в том, что пришедшие на вечеринку парни, обходя девушек, задирали у всех у них подола, т. е. обнажали их до пояса. Он был на Севере столь укоренен, что носил специальное название «*смотри подольниц*»⁵⁷.

Вечеринки и свобода общения полов. Во всяком случае, если во многих деревнях запрет на половое общение во время вечеринки и утвердился, то это произошло далеко не везде. Тот же А. В. Балов, к авторитету которого обращалась М. М. Громыко, писал: «В старину, говорят, в некоторых глухих местах уезда, как, например, в Подорванской волости, на деревенских беседах (на всех или на некоторых, в известное время года) были „гаски“. Молодежь, оставшись одна, гасила лучину и вступала между собой в свальный грех. Ныне только кое-где сохранилось только слово „гаски“»⁵⁸.

Парируя это высказывание, М. М. Громыко пишет, что, во-первых, оно основано на неопределенных полуполюгендарных сведениях («говорят»), во-вторых, что оно получает иное разъяснение в рукописи одного из крестьян — участника молодежных сборищ. Но в этой рукописи речь идет не о старине, о которой говорил А. В. Балов, а о современном автору положении вещей. В ней сообщается, что пары, оставшись (по-видимому после вечерки) ночевать в бане, «играют», но не сближаются. И больше ничего⁵⁹. Именно это было одной из причин того, что М. М. Громыко привела данное высказывание участника вечеринки не в основном тексте работы, а лишь в примечании, помещенном 22 страницами ниже. Другая причина: это свидетельство полностью опровергает то, что М. М. Громыко пыталась доказать на той же странице двумя абзацами выше, а именно, что парни после вечеринки не оставались ночевать в одном помещении с девушками.

«Гаски» в прошлом существовали не только в Пошехонском уезде, но и в Вельском уезде Вологодской губернии: «Раньше на посиделках устраивали „гаски“: тушили лучину и начинался свальный грех»⁶⁰. В той же Вологодской губернии и в некоторых других существовал обычай, известный под названием «мять солому». «Так называется, — сообщает К. Петров, — обыкновенная посиделка или игрище, по окончании которых пол избы устилается соломой и затем гасится огонь»⁶¹.

Полная свобода общения полов на вечеринках допускалась в некоторых селениях Пинежского уезда Архангельской губернии. Сношения не считались предосудительными. Напротив, девушка, не выбранная парнем, нередко выслушивала горькие упреки от матери»⁶².

В Пермской губернии «вообще на вечерках, в обращении молодых людей с девушками, существует полная свобода. Часто родители самых строгих правил не позволяют девушке входить в горницу, если в ней холостой мужчина, а на вечерки отпускают беспрекословно, хотя, конечно, знают, что там происходит»⁶³.

Сходный порядок вещей существовал в Нижегородской губернии⁶⁴. Поэтому нередким явлением было отсутствие целомудрия у новобрачных. Мужья к этому относились довольно «хладнокровно»⁶⁵.

Вот еще свидетельства: «Жирятся, потушив огонь» (Брянский уезд Орловской губернии); «на посиделках ведут себя свободно и пары могут исчезать в клеть» (Медынский уезд Калужской губернии); «нравы (на посиделках и супрятках — Т. Б.) просты и девушки в 16 лет могут потерять невинность» (Порховский уезд Псковской губернии)⁶⁶. В Данковском уезде Рязанской губернии пары разбредались по укромным местам не только после хороводов, но и после вечеринки⁶⁷. Крайней свободой отличались отношения полов на вечеринках в некоторых селениях Бежецкого уезда Тверской губернии⁶⁸. То же самое имело место в Уссурийском крае⁶⁹.

И хотя опять-таки некоторые наблюдатели связывают описываемую ими свободу добрачных отношений полов с влиянием капиталистического города, история с «гасками» убедительно свидетельствует, что истоки этого явления уходят в глубину веков. «Гаски» явно возникли не в XIX в. Наоборот, в этом веке они стали исчезать.

Еще раз о пережитках любовных экспедиций и оргиастических нападений. Чаще всего вечеринки описываются как своеобразный институт внутридеревенского общения молодежи. Однако так обстояло дело далеко не всегда. Как отмечает М. М. Громыко, нередким явлением в некоторых местностях был приход на посиделки парней из соседних селений. Иногда при этом происходили потасовки между местными и пришлыми парнями, которые в отдельных случаях могли переходить в драку целых деревень⁷⁰.

Местами девушки одной деревни целыми группами приходили на посиделки в другие селения. В ряде случаев организаторами посиделок с участием девушек из других деревень выступали местные парни. Они нанимали просторную избу, приобретали керосин и свечи, покупали подарки для девушек. Все это делалось за общий счет⁷¹. Аналогия с домом холостяков очевидна.

В целом все это очень напоминает любовные экспедиции юношей и девушек одной деревни в другие селения, зафиксированные в первобытном мире. Они, как уже отмечалось, были пережитками пришедших на смену оргиастическим нападениям походов мужчин и женщин одних общин в другие общины.

В связи с этим нельзя не обратить внимание на то, что в некоторых местах России сам приход парней на вечеринки носил крайне своеобразный характер. Вот картина типичная для Елатомского уезда Тамбовской губернии. «Тихо собираются они (парни.— Ю. С.) кругом избы (где уже находятся девушки.— Ю. С.) и разом врываются потом через двери и окна; тушат свечи и бросаются кто на кого попало. Писк девушек заглушается хохотом ребят; затем все оканчивается миром; обиженный пол вознаграждается скудными гостинцами. Девушки садятся за донца, но постоянные объятия и прижимания мешают работе. Завязывается ссора: обе стороны вступают в состязание и обычные победители-ребята утаскивают каждый свою жертву: кто на полати, кто на двор, кто в сенцы. «Игры,— подчеркивает информатор,— повторяю, носят характер дикий: в основе их лежит чувство полового общения и чувство это обнаруживается в каждом слове, в каждом движении молодых людей»⁷².

Информатор настаивает на том, что несмотря на всю внешнюю вольность поведения, половое общение между девушками и парнями, как правило, места не имело. Добрачные половые связи сурово осуждались крестьянским общественным мнением⁷³. Но это может значить только одно: все описанные им особенности деревенской вечеринки уходят корнями в эпоху, когда запрета добрачных отношений между полами не существовало.

В Новгородском уезде одноименной губернии, «когда крестьянские девушки, в числе 5—6, в банях осенью треплют и чешут лен, тогда парни молодые артелями ходят по баням, пугают девушек, бросая камни или палки в окна бань, разламывают двери или кровлю бани и, взойдя в нее, производят шум, буянство и нередко драку»⁷⁴.

В Хотеновской волости Кирилловского уезда Новгородской губернии, когда девушки собирались на беседу в бане, приходили ребята «позабавиться», а если можно и «попугать девок». Особенно большой переполох поднимался, когда нечаянно или благодаря хитрости парней гасла лучина и в бане воцарялась темнота⁷⁵. Вряд ли это можно рассматривать иначе, как пережиток «гасков». В Данковском уезде Рязанской губернии вечеринка иногда завершалась буйным разгулом парней, которые били окна, посуду, громили горницу, причем нередко доставалось и хозяйке дома⁷⁶.

В местностях по среднему течению Северной Двины (Архангельская губерния) в летнюю пору девушки ездили доить коров на островные пастбища, где и оставались ночевать в избушках. В каждой из них были девушки только одной

деревни. Ночью туда приезжали парни из соседних деревень. «Они пугали девушек, разбойничали, выламывали крышу и двери, хлестали их прутьями, после чего катались по лежащим на полу девушкам „от стены к стене“, и все разбивались на пары»⁷⁷. Все это имело специальное название «красование».

Не трудно заметить, что во всех этих случаях мы имеем дело с пережитками еще более древнего явления, чем любовные походы юношей или даже мужчин вообще, а именно — оргиастических нападений мужчин на женские жилища. Об этом говорит наличие в двух из приведенных примеров имитаций изнасилования. В одном из примеров мы сталкиваемся с борьбой между полами. В этой связи нельзя не вспомнить, что в свадебной обрядности почти всех народов мира, включая и цивилизованные, присутствовал обычай ритуального сражения между сторонами жениха и невесты, который нередко являлся прямой борьбой между полами. Не представляла собой в этом отношении исключение и русская свадьба⁷⁸.

Парование. Как уже указывалось, одна из характерных особенностей отношений полов до брака в первобытном мире состояла в образовании более или менее прочных и постоянных пар. Такого рода парование повсеместно существовало и в русской деревне. Оно было настолько укоренившимся явлением, что для обозначения паровников существовали особые термины: *дружень* и *дружница*, *почетник* и *почетница*, *игральщик* и *игральщица*, *беседник* и *беседница*, *занимальщик* и *занимальщица* и т. п.⁷⁹

Если для пар в первобытном обществе половое общение было естественным явлением, то, вероятно, этого нельзя сказать о русских почетниках и почетницах и т. п. Некоторые авторы довольно категорически заявляют, что отношения между теми и другими были строго безупречными⁸⁰. Не исключено, что во многих случаях дело обстоит именно так. Но преемственная связь между парованием в первобытном обществе и парованием в крестьянском мире России несомненна. Как и в первобытном обществе, парованием в русской деревне могло перерасти в брак, но и в том и в другом мирах это не было обязательным. Пароваться могли с одними, а вступить в брак с другими⁸¹.

Примечания

¹ См.: Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 189—238; *его же*. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1—3. М., 1993. С. 122—158.

² См.: Mole R. L. The Montagnards of South Vietnam. Rutland etc, 1970. P. 14; Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1982. С. 100; Малые народы Южной Азии. М., 1978. С. 166.

³ См.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966. С. 288—289, 293.

⁴ Сводку материалов и литературы см.: Там же. С. 295—301.

⁵ Fison L. The Nanga, or Sacred Stone Enclousore of Wainimala, Fiji//The Journal of Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1884. V. 14. № 1.

⁶ Сводку данных и литературы см.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. С. 297—301.

⁷ Летописец Переяславля Суздальского//Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Книга девятая. М., 1851. С. 3—4.

⁸ Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума, составленное Александром Востоковым. СПб., 1848. С. 321.

⁹ Дополнение к актам историческим. Т. 1. СПб., 1846. С. 18—19. См. также: Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Т. IV. М., 1846. С. 59—62.

¹⁰ Стоглав. СПб., 1863. С. 141.

¹¹ См. Веселовский А. Н. Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев//Зап. Императорского Русского Геогр. об-ва по отделению этнографии (далее — ЗИРГООЭ). Т. 2. СПб., 1969. С. 743.

¹² Челобитная старца Григория иконописца 1651 года царю Алексею Михайловичу с просьбой искоренить различные недостатки, пороки и суеверия, особенно процветавшие среди духовенства и народа г. Вязьмы//Кантевер Н. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Вып. 1. Время патриарха Иосафа. М., 1887. С. 172.

¹³ Максимов С. В. Год на Севере. М., 1890. С. 596.

¹⁴ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. М., 1988. С. 227—228.

¹⁵ Malinowski B. The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia. L., 1948. P. 231—233.

- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ См.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. С. 485—490.
- ¹⁸ Личное сообщение С. П. Толстова.
- ¹⁹ Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды // Труды Ин-та этнографии. Нов. серия. Т. VIII. М.; Л., 1949. С. 189—190.
- ²⁰ П-ов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа (в Южном Дагестане) // Кавказ. 12(24) февраля 1867, № 13.
- ²¹ Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы конца XIX — начала XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 14.
- ²² Там же. С. 189.
- ²³ Briffault R. The Mothers. V. 3. L., 1927. P. 13, 204.
- ²⁴ Материал и литературу см.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. С. 482—483.
- ²⁵ Crooke W. The Popular Religion and Folk-Lore of Northern India. V. I. Westminster, 1896. P. 68—71.
- ²⁶ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского геогр. об-ва. Вып. 1. СПб., 1914. С. 544; Вып. 2. 1915. С. 577, 586, 589, 591, 603, 606, 607, 657, 722, 726, 747, 752, 755, 759, 777, 778, 795—797, 818, 829, 834, 902, 924, 957, 958, 960, 975, 978, 979, 987; Вып. 3. 1916. С. 1161, 1181, 1243, 1273, 1274; Мансуров А. А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Вып. 2. Рязань, 1929. С. 162; Вып. 3. 1930. С. 24, 35, 39; Малихин П. Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда // Этнографический сборник (далее — ЭС). Вып. 1. СПб., 1853. С. 217—218; Троицкий П. Село Липицы и его окрестности, Тульской губернии Каширского уезда // ЭС. Вып. 2. СПб., 1854. С. 92; Городцов В. А., Броневский Г. П. Смесь. Этнографические заметки // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1887. № 3; Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии // Живая старина (далее — ЖС). 1890. Вып. 1; Обзор газет // ЭО. 1990. № 2. С. 224—225; Ушаков Д. Н. Материалы по народным верованиям великоруссов // ЭО. 1896. № 2—3. С. 174—176; К вопросу об опахивании // ЭО. 1910. № 3—4. С. 175—178; Максимов А. Участие широких слоев населения в краеведческой работе // Краеведение. 1925. № 1—2. С. 9; Журавлев А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994. С. 99—113, 148—215.
- ²⁷ Городцов В. А., Броневский Г. П. Указ. раб. С. 187.
- ²⁸ Сводку материалов и литературы см.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. С. 482—485.
- ²⁹ Плутарх. Римские вопросы // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 221—222; Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 470.
- ³⁰ Эрипид. Драм. Т. I. М., 1916. С. 194 сл.
- ³¹ Смирнов И. М. Мордва. Историко-этнографический очерк // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Т. 11. Вып. 5. 1893. С. 468—469.
- ³² Spenser B., Gillen F. J. The Native Tribes of Central Australia. L.; N. Y., 1899. P. 94—96; eadem. The Northern Tribes of Central Australia. N. Y., 1904. P. 133—137; Roth W. E. Ethnological Studies among the North-West-Central Queensland Aborigines. Brisbane; L., 1897. P. 174.
- ³³ Lambert H. E. Kikuyu Social and Political Institutions. L., 1965. P. 53—54.
- ³⁴ Сводку данных и литературы см.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. С. 493—494.
- ³⁵ Malinowski B. Op. cit. P. 217—219; Hodson T. C. The «Genna» amongst the Tribes of Assam // The Journal of Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1906. V. 36. P. 94; Idem. The Naga Tribes of Manipur. L., 1911. P. 168.
- ³⁶ Сводку материалов и литературы см.: Семенов Ю. И. На заре человеческой истории. М., 1989. С. 274—275.
- ³⁷ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. ee же. Мир русской деревни. М., 1991.
- ³⁸ Бернштам Т. А. Указ. раб.
- ³⁹ Г-в А. Внебрачные рождения в Архангельской губернии // Архангельские губернские ведомости. 1870, № 77.
- ⁴⁰ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Архангельская губерния. Составил генерального штаба капитан Н. Козлов. СПб., 1865. С. 236.
- ⁴¹ Иващицкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Изв. Императорского об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее — ИИОЛЕАЭ). Т. 69. М., 1890. С. 63.
- ⁴² Там же. С. 66.
- ⁴³ Пономарев С. Очерки народного быта. Обычное право // Северный вестник. 1887. № 2. С. 45—48; Зеленин Д. К. Описание рукописей... Вып. 2. С. 775.
- ⁴⁴ И-в А. В Суражском уезде // Русские ведомости. 1875. № 136.
- ⁴⁵ См.: Мансуров А. А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Вып. 4. Рязань, 1930. С. 20.
- ⁴⁶ А. Оригиналы «подлиповцев» // Неделя. 1883. № 26.
- ⁴⁷ Богаевский П. М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губ. // ИИОЛЕАЭ. Т. 61. М., 1889. С. 2.
- ⁴⁸ Семенова-Тянь-Шанская О. П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний // ЗИРГООЭ. Т. 39. СПб., 1914. С. 37—38.
- ⁴⁹ Eggan F., Scott W. H. Ritual Life of Igorots of Sagada // Ethnology. 1963. V. 2. № 1. P. 41.
- ⁵⁰ Троицкий С. Некоторые особенности в обычаях ветлужских жителей // Нижегородский сборник (далее — НС). Т. III. Нижний Новгород, 1870. С. 133.
- ⁵¹ Ильинский В. Н. Скопинская волость (того же уезда Рязанской губернии). Скопин, 1929. С. 80.
- ⁵² См.: Бернштам Т. А. Указ. раб. С. 207—208, 220—221.
- ⁵³ См.: Громыко М. М. Традиционные формы поведения... С. 231.

- ⁵⁴ Там же. С. 263.
- ⁵⁵ *Бернштам Т. А.* Указ. раб. С. 241—242, 257—258.
- ⁵⁶ Там же. С. 258.
- ⁵⁷ Там же. С. 241.
- ⁵⁸ Приведено: *Громыко М. М.* Традиционные формы поведения... С. 231.
- ⁵⁹ Там же. С. 263.
- ⁶⁰ *Бернштам Т. А.* Указ. раб. С. 243, 258.
- ⁶¹ *Петров К.* Колонизация Заволочья и обрусение заволочкой чуди//Беседа. 1872. Кн. 3. С. 57.
- ⁶² Внебрачные рождения в Архангельской губернии.
- ⁶³ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. Часть II. Составил генерального штаба подполковник Х. Мозель. СПб., 1864. С. 539.
- ⁶⁴ *Троицкий С.* Указ. раб. С. 133.
- ⁶⁵ *Коробкин А. С.* Очерк села Пожарок//НС. Т. II. Нижний Новгород, 1969..С. 281.
- ⁶⁶ *Бернштам Т. А.* Указ. раб. С. 243, 258.
- ⁶⁷ *Семенова-Тянь-Шанская О. П.* Указ. раб. С. 37—38.
- ⁶⁸ Заметка о быте населения Бежецкого уезда//Сборник материалов для статистики Тверской губернии, составленный по поручению Тверского Губернского Земского Собрания. Вып. 2. Тверь, 1874. С. 111.
- ⁶⁹ *Пржевальский Н.* Путешествие в Уссурийском крае, 1867—1869 гг. СПб., 1870. С. 38.
- ⁷⁰ *Громыко М. М.* Традиционные формы поведения... С. 241.
- ⁷¹ Там же. С. 239—240.
- ⁷² *Звонков А. П.* Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии, Елатомского уезда//ИИОЛЕАЭ. Т. 61. М., 1989. С. 25—26.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ *Зеленин Д. К.* Описание рукописей... Вып. 2. С. 854.
- ⁷⁵ *Новожилов А.* Деревенские «биседы»//ЖС. 1909. Вып. 1. С. 64.
- ⁷⁶ *Семенова-Тянь-Шанская О. П.* Указ. раб. С. 46.
- ⁷⁷ *Бернштам Т. А.* Указ. раб. С. 236, 256.
- ⁷⁸ См.: *Смирнов А.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. Вып. 1. М., 1878(1877). С. 151—157; *Сумцов Н. Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881. С. 5—21; *Шейн П. В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах и т. п. Т. I. Вып. 2. СПб., 1900. С. 467, 705.
- ⁷⁹ *Смирнов А.* Указ. раб. С. 16; *Бернштам Т. А.* Указ. раб. С. 23; *Громыко М. М.* Традиционные формы поведения... С. 238—239.
- ⁸⁰ *Громыко М. М.* Традиционные формы поведения... С. 238.
- ⁸¹ Там же.

Survivals of Primitive Forms of Gender Relations in Russian Peasantry's Customs in the XIX — early XX Century

The author assumes that historically marriage between individuals was preceded by other forms of gender relations, in particular, group marriage and, earlier still, promiscuity. After individual marriage was established the preceding forms had long survived as vestiges not only among the primitive peoples but among the peasantry of the class societies as well.

Basing himself on vast factual data, the author demonstrates the existence among the XIXth and even early XXth century Russian peasantry of the survivals of gender taboos, orgiastic feats, orgiastic female attacks on the males, freedom of premarital sex, girls' houses etc.

Yu. I. Semenov